

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ

3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

5

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

107

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

369

ЭПИЛОГ

476

Пролог

— ...Шутки в сторону, милый! — тяжело дыша, проговорила женщина. — Это мои деньги! Дай дорогу! — Вцепившись в кейс, она дёрнула его на себя.

— Это мои деньги, крошка! — прохрипел мужчина. — Отвали!

— Тебе лучше убраться с моего пути, дорогой! — прошипела она и без колебаний спустила курок...

Мужчина дёрнулся, посылая ей навстречу стаю рассерженных пчёл, которые впились в ее тело, обжигая огнём...

Комната наполнилась грохотом выстрелов. Когда всё стихло, можно было увидеть на полу номера гостиницы два тела — массивное мужское и хрупкое женское.

Мужчина не подавал признаков жизни, а женщина вскоре очнулась и застонала.

Перевалившись на спину и почти теряя сознание от боли, она все-таки достала мобильный телефон и набрала номер, который знала наизусть. Пусть всё будет кончено! Пусть сражение завершится честной ничьей!.. Пусть эта сука поймёт, что она проиграла...

В ту же секунду в подвале дачи, одиноко стоявшей в лесу, раздался оглушительный взрыв. В черное небо взвился сноп золотых искр, жёлтое пламя вырвалось из окон — дом запылал, в одно мгновение охваченный огнём.

Женщина выронила телефон и, одной рукой опираясь на пол, а другой волоча за собой кейс, поползла к выходу.

Замок кейса расстегнулся, и на залитый кровью пол посыпались бледно-зеленые бумажки с портретом Бенджамина Франклина.

В коридоре женщина бессильно ткнулась лицом в ковровую дорожку. За ней стелился кроваво-черный след...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

«А на кладбище всё спокойненько...» — негромко на- свистывал мужчина средних лет, сидевший за гру- бо сколоченным столиком в глухом уголке Тихорецкого кладбища. Одной рукой, выпачканной землёй, он под- пирал небритую щеку, а другой барабанил в такт мело- дии по дощатому столу, серому от зимних затяжных не- погод. На поминальном столике покоилась мятая газета с нехитрой закуской и початая бутылка. Рядом, возле ног, валялась лопата с присохшими комьями глины.

Со стороны мужчину можно было принять за обычно- го кладбищенского обитателя, подрабатывающего ухо- дом за могилами, если бы не его глаза. Окружённые лу- чиками морщин, они были внимательными и далеко не пустыми. Он зорко смотрел по сторонам, присматрива- ясь к посетителям погоста, точно искал кого-то. Особен- но пристально он рассматривал особ женского пола, при- шедших посидеть в воскресный день возле родных могил.

Людей было немного... Блуждающий взгляд внима- тельно изучал время от времени склоняющиеся над мо- гилами фигуры, изредка мелькавшие между деревьев. Но в этот отдалённый сектор кладбища вообще редко кто заходил.

К вечеру похолодало. Солнце низко опустилось над деревьями, сразу же стало неуютно. Мужчина, зевнув, взглянул на часы: до конца вахты не более часа, скоро кладбище закрывается. Он повыше поднял воротник те-

логрейки и закурил — с куревом оно как-то теплее. «А на кладбище всё спокойненько...»

В конце центральной аллеи, полной лилового вечернего сумрака, показалась худощавая мужская фигура. Длиннополое пальто, широкая шляпа с полями, тёмные очки, впрочем, совершенно лишние на закате дня, тонкие, как у опереточного тенора, усики, скуластое лицо с загаром, полученным, скорее всего, в солярии или на горном курорте. Интересно, что нужно этому странному типу на кладбище, да еще перед самым закрытием?

Мужчина в телогрейке (собутыльники обычно называли его Петрович) с любопытством уставился на посетителя. «Наверное, артист, — подумал он, — или художник... Нет, скорее всего, голубой. Или альфонс... У этого молодчика на роже все написано!» Если бы Петрович любил смотреть голливудские фильмы про суперагентов, он добавил бы еще одну убийственно точную характеристику: шпион. Или лицо, старательно притворяющееся оным. Однако вместо кино Петрович предпочитал «беленькую», и потому эта мысль его не посетила. Он продолжал нетерпеливо посматривать на часы, распалая свое воображение видением огнедышащей, восхитительно пышной котлеты, которую сожительница Верка приготовит ему на ужин.

Между тем подозрительный тип в длинном пальто свернул на боковую аллею и скрылся в гранитной мастерской, притулившейся на отшибе.

«Хоть бы эта баба не появлялась еще с месяцок!» — сладко щуря глаза, размечтался Петрович. Работа ему нравилась. Работа была ему по душе. Делать ничего не надо, сиди, дыши свежим воздухом, пей зелено вино, а денежки в это время знай себе капают. «Может, она до весны не появится», — грезил Петрович.

Вот повезло ему! Когда Вован нанимал его, уговор был всего на две недели. А потом продлили еще на две. За прошедший месяц накапало достаточно, чтобы купить у вьетнамцев негнушующую кожаную куртку для Верки, продавщицы с оптового рынка. За эту куртку Верка жарко люби-

ла Петровича, сытно кормила, оставляла у себя на ночь и даже, кажется, была совсем не против, чтобы он окончательно перебрался в ее комнатку в коммуналке...

Вскоре двери гранитной мастерской распахнулись, и оттуда вышел тот самый длиннополый тип с двумя изрядно набравшимися личностями из местных работяг. Эти личности были хорошо известны Петровичу. С ними у Вована, «прописавшего» два месяца назад на кладбище своего человечка, даже существовала договорённость, чтобы новенького не трогали и, даже напротив, всячески способствовали ему в его трудах.

Работники гранитной мастерской что-то дружно втолковывали длиннополую, а тот слушал их с высокомерной усмешкой. Потолковав пару минут, компания направилась прямо в сектор, где обосновался окоченевший наблюдатель. Петрович встревоженно заёрзал на скамейке. Потом на всякий случай поставил уже порожнюю бутылку под стол, сгрёб закуску и сунул в карман. Пригладил ладонью вихры, чтобы смотреться поприличнее (вдруг длиннополый из милиции или еще откуда повыше), вскочил и стал ожесточённо рубить лопатой мёрзлую землю, исподлобья посматривая на приближающиеся фигуры.

Между тем длиннополый «со товарищи» приблизился к жестяному памятнику-временке возле просевшего холмика земли и стал, жестикулируя, что-то объяснять своим спутникам. Те согласно кивали, как будто заранее были готовы на все.

Памятник-временка — это был тот самый объект, на который ориентировали наблюдателя. Петрович забеспокоился. Он бросил лопату и приблизился, стараясь услышать, о чем речь. Но длиннополый стоял спиной, и слов его не было слышно. Тёпленькие могильщики лишь согласно кивали, поддакивая алкогольными головами: «Без базара! Сделаем, будь спок!..» Глаза их блестящие то ли по пьяни, то ли из алчности.

Длиннополый опустил в карман руку и достал пухлую пачку.

— Задаток... — Порыв ветра, точно подарок судьбы, донёс одно-единственное слово.

Петрович еще больше засуетился. Что-то здесь не так, но что именно — он не понимал. И это собственное непонимание его очень раздражало. Это непонимание могло стоить ему законных пятисот рубчиков в неделю. Быстрым взглядом он попеременно то буравил черную спину длиннополого, то таращился на памятник с надписью: «Константин Валерьевич Морозов. 1965–1998».

Какое отношение припозднившийся посетитель имеет к покойному? В голове тяжело ворочались обрывки тугих мыслей: «Говорили, что баба... Приказ был насчет бабы только... А этот что? А если этого тоже нужно? А если этот не тот и вообще здесь ни при чем?»

Пока Петрович мучительно морщил лоб, задаток в виде хрустящих купюр исчез в недрах обтёрханных телогреек, и работники гранитной мастерской вновь закивали, молитвенно сложив ладони: видно, обтяпали страшно выгодное дельце. Длиннополый мимоходом поправил висевшую на одном шурупе табличку и, не оглядываясь, зашагал по центральной аллее к выходу. Мастера гранитных дел радостно потирали руки.

— Что за тип? — в ту же секунду подскочил к ним озадаченный Петрович.

— А бес его знает! — послышался равнодушный ответ. — Заказ на гранитный памятник, задаток в гринах... Срочно, грит! Через неделю, сказал, придёт, проверит выполнение.

Петрович заметался между могил, не зная, на что решиться. Между тем фигура длиннополого постепенно растворялась в сгущавшемся сумраке, точно кусок сахара, брошенный в чай.

Озябшая красная рука потянулась в карман, осторожно выудила мобильный телефон и затёртый листок с цифрами. Негнущиеся пальцы неуверенно набрали номер.

Гудки в трубке еще больше озадачили Петровича. Надо было что-то предпринять. По инструкции Петровичу вменялось в обязанность немедленно сообщить своему нани-

мателю о появлении объекта, затем проследовать за ним к месту жительства, если тот будет следовать общественным транспортом, а если сядет в машину — записать номер авто и немедленно передать его кому положено.

В случае успеха его ждало немалое вознаграждение. В случае неудачи обещали оторвать яйца и запихнуть в глотку — выражение вполне фигуральное, но тем не менее таящее в себе немалую угрозу. Однако уже первый пункт строгой инструкции невозможно было выполнить — абонент не отвечал.

От бурной мыслительной деятельности Петровичу стало жарко. Он вытер рукавом лоб. Потом шумно выпустил воздух из груди. Потом снова вобрал изрядное количество кубических сантиметров кислорода. И принял решение...

Слава богу, длиннополый и не подумал садиться в авто или ловить попутку. Он прилежно топтался на автобусной остановке в компании пожилой семейной пары и сгорбленной бабушки с гремящей сумкой, полной пустых бутылок. Петрович с облегчением выдохнул и вернулся, чтобы не показать, что его кое-кто интересует.

В автобус он погрузился плечом к плечу с длиннополым. Трясся за ним пять остановок до метро, потом спустился в подземку, сел в вагон. По пути еще несколько раз пытался вытащить мобилу и связаться с нанимателем. Но напрасно, телефон не отвечал (радиоволны не проникали через толщу земли, но Петрович был не слишком силен в радиотехнике). Пассажиры удивлённо косились на потрёпанного мужика, старательно прижимавшего к уху черную трубку.

На «Белорусской» длиннополый вышел из вагона, приблизился к памятнику «Советская Белоруссия» и замер возле каменных фигур. «У него здесь встреча!» — догадался Петрович, в восторге от своей сообразительности и проницательности.

Через минуту бурлящий поток из прибывшего поезда затопил зал станции торопливой людской массой. И вот тут-то Петрович удивлённо вытаращил глаза и затряс головой. На долю секунды ему показалось, что в глазах

у него двоится, — очевидно, сказалось изрядное количество «беленькой», выпитой за весь сегодняшний день. Длиннополых внезапно стало двое, как будто от первого типа отделилось астральное тело и приобрело материальное воплощение. Стало две шляпы, два черных пальто, две пары темных очков и две совершенно омерзительные пары узких альфонских усиков.

Петрович растерялся. Он уже не знал, где тот тип, которого он подцепил на кладбище, а где его «альтер эго». Он так растерялся, что даже подошел слишком близко, рискуя выдать себя.

Туннель наполнился гулом и грохотом, повалил народ, выливаясь из распахнутых дверей, — на двух платформах одновременно остановились поезда. А длиннополые уже разлетелись в разные стороны, точно два шарика одинаковой массы в задаче про импульс тела. Правый длиннополый вклинился в середину толстой гусеницы, вползавшей в двери вагона, и мгновенно затерялся в ней. То же самое совершил и левый длиннополый, убегая в противоположном направлении.

Поезда разъехались. Посередине платформы остался стоять потрёпанный человечек в телогрейке и с сотовым телефоном в руке. Глаза у него были совершенно безумные — ему казалось, что он чувствует в своей глотке вкус собственных яиц, которые ему обещали затолкнуть туда в случае неудачи. И этот вкус Петровичу очень не нравился.

В обитую старым дерматином дверь детского дома № 50 города Москвы позвонили. Впустив с улицы морозный колкий воздух, дверь нехотя приоткрылась, и из помещения пахло запахом кислых щей и прогорклого масла, запахом ненавистной перловой каши и компота из сухофруктов. Перед дверью стояли женщина средних лет в милицейской форме и пацан лет семи в старом драповом пальто с цигейковым воротником и вязаной шапочке петушком. Две мокрые прозрачные полоски пролегли от носа мальчишки к его верхней губе.

Женщина в форме решительно шагнула вперёд, цепко держа детскую руку, красную от цыпок, а мальчишка горестно шмыгнул носом и нехотя поплёлся за ней. На пороге он остановился и с тоской оглянулся назад, туда, откуда веяло воздухом воли, свободы и безнаказанности. Пацан любил этот вольный дух, а здесь, в прихожей детского дома, так мерзко воняло... Почувствовав слабое сопротивление, милиционерша остановилась и дернула его за руку.

— Ну что еще... — пробурчала она раздражённо. — Опять глупишь, Морозов!

Мальчишка покорно шагнул вперёд. Дерматиновая дверь за ним с обреченным стуком захлопнулась, злобно лязгнув засов.

— Новенький! — послышался возбуждённый шепот из-за двери, ведущей в холл. В темной щели любопытно блеснули детские глаза.

Мальчишка свободной рукой стянул шапку и заинтересованно огляделся по сторонам.

— Где кабинет директора? — спросила милиционерша. Она все еще сжимала руку своего подопечного, как будто боялась, что тот вырвется и сбежит от нее.

Женщина решительно двинулась по коридору. Мальчишка нехотя волочился вслед за ней, бдительно оглядывая детдомовские покои и периодически шмыгая носом.

— Павел Морозов, 1992 года рождения, москвич. Отец умер, мать в бегах. — На стол директора детдома, представительной дамы бальзаковского возраста, с холодным наробразовским взглядом, легла тоненькая папка с надписью «Личное дело». — Задержан на Казанском вокзале во время рейда городского патруля. По решению комиссии направляется к вам из детского социального приёмника.

Только после этой тирады железобетонная рука наконец отпустила мальчишку и подтолкнула его к столу директора. Пацан исподлобья уставился на полную даму с властными глазами. Казалось, он ее уже заранее ненавидел.